

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 10

Содержаніе:

„Бѣлый годъ“ — статья А. В. Черныявскаго.

„Провожатый мистриссъ Банкеръ“ — разск. В. В. Джакобсъ.
Перев. З. Л.

„Спутница“ — разсказъ Ник. Бухарскаго.

„Похожденія моего кума Никиты Иваныча“.— Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

„Полковникъ М. Г. Бекъ-Мармарчевъ“ — некрологъ.

„Возвращеніе Гарзана“—романъ Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

„Подъ Красной Мантіей“ — романъ Стенли Уэймана.

Копилка курьезовъ.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. — Tel. 25-11

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ
„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Kõnetraat

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÕITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. **Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.**

№ 10.

Январь 1925 г.

II годъ изданія.

Бѣлый годъ.

Стрѣлка на часахъ медленно кружить къ таинственной поворотной чертѣ:

12!

Еще нѣсколько этихъ короткихъ, какъ-то странно по весеннему парныхъ дней, и даже по старому стилю будетъ:

— Новый **1925** годъ.

Вотъ какая цифра вырисовывается на поворотномъ верстовомъ столбѣ нашей долгой и мучительной дороги.

Что-то особенное совершится въ этомъ особннномъ году.

Какое совпаденіе.

По преданіямъ католической церкви этотъ 1925 годъ считается священнымъ, и римскій папа готовитъ Вѣчный Городъ и свой отошавшій кошелекъ къ неслыханному и небывалому стеченію паломниковъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта.

Тихо, тихо совлекайте съ павшихъ идоловъ одежды.

Съ послѣднимъ боемъ часовъ — ушелъ еще одинъ изъ ряда тяжелыхъ, грозныхъ и черныхъ годовъ всей семилѣтней полосы нашего изгнаничества.

Многіе не отдають себѣ отчета, какой серьезной опасности подвергалось дѣло возстановленія Национальной Россіи въ эти такъ сѣро и буднично, казалось бы, истекшіе мѣсяцы.

Самое страшное уже позади. И какъ съ вершины горы, достигнутой путникомъ цѣною огромныхъ усилій, намъ впервые послѣ столькихъ лѣтъ развертываются уже широкіе просторы надеждъ.

Не то было 366 дней назадъ.

Красная орда, захватившая Россію, вступала въ истекшій годъ съ самыми радужными ожиданіями.

Послѣ гибели бѣлаго движенія, послѣ потери нами послѣдняго клочка русской земли поработители Русскаго Народа стали принимать мѣры къ признанію ихъ de jure другими государствами.

На эту цѣль были выброшены громадныя суммы...

И вотъ, въ результатѣ, во многихъ странахъ честные и неподкупные политическіе дѣятели, враждебно относившіеся къ большевикамъ или сколько-нибудь сочувствовавшіе Национальной Россіи, должны были уступить власть людямъ другой формации. Такъ въ Англии и Франціи ко власти пришли ставленники большевиковъ и 2-го Гамбургскаго интернационала массоны, т. е. члены тайнаго противо-христіанскаго международнаго сообщества, Макдональдъ и Эрлю, которые сдѣлали все возможное и невозможное для того, чтобы закрѣпить навсегда надъ обезглавленной и поработенной Россіей инородческое иго. Они признали Совѣтскую власть de jure, т. е. признали законнымъ правительствомъ Россіи пришлую банду авантюристовъ — инородцевъ, убійцъ, воровъ и грабителей. Они передали въ ихъ руки хранившіеся въ Англійскихъ и Французскихъ банкахъ русскіе капиталы, зданія посольствъ со всѣмъ имуществомъ, церкви, для устройства въ послѣднихъ кинематографовъ и клубовъ пропоганды.

Передаютъ выведенный Врангелемъ флотъ, наличность котораго въ рукахъ большевиковъ угрожаетъ безопасности цѣлаго ряда государствъ.

Мало того, въ сентябрѣ прошлаго года, не смотря на противодѣйствіе всѣхъ честныхъ англичанъ и протесты англійскихъ плательщиковъ налоговъ, Макдональдомъ подписанъ былъ договоръ съ большевиками о томъ, что совѣтская власть получаетъ отъ англичанъ миллиардъ рублей золотомъ долгосрочнаго займа.

Таково было одно время положеніе, что самъ неунывающий Расплюевъ революціи, бывшій румынскій шпионъ, а нынѣ совѣтскій посланникъ въ Англии Раковскій открыто хвастался, что съ Национальной Россіей кончено навсегда: „Даже Соединенные Штаты Сѣверной Америки, до сихъ поръ не желавшіе имѣть ничего общаго съ совѣтами, волей неволей вынуждены будутъ послѣдовать примѣру Англии и Франціи“.

Что ожидало-бы насъ, 3-хъ миллионную, разсѣянную по всему міру массу съ паспортами Лиги Націй, если бы большевики дѣйствительно „тянули“ въ свои руки англійскіе и французскіе миллиарды?!

Конечно, рано или поздно Россія выбросила бы или переработала-бы красную орду, какъ она справилась съ татарщиной. Но татарское иго продолжалось 150 лѣтъ.

Трудно было ограбленной, нищей, зарабатывающей тяжелымъ трудомъ пащущій кусокъ хлѣба Русской эмиграціи бороться съ этимъ бѣшеннымъ натискомъ огромныхъ суммъ, выброшенныхъ въ Европу, но она боролась, на ея сторонѣ была правда, и Богъ не допустилъ...

Угроза коммунистической революціи въ Англии открыла глаза англійскому народу, и на выборахъ двадцать девятаго октября онъ свалилъ Макдональда и поставилъ у власти новое правое правительство, которае не только отказало въ кредитахъ большевикамъ, но и начало съ ними рѣшительную борьбу въ Европѣ и въ Азіи.

Попытка большевиковъ вооруженнымъ мятежомъ захватить въ свои руки Эстонию, бандитскія нападенія изъ Совѣтской Россіи на окраины Польши, Румыніи и Латвіи, открытіе почти во

всѣхъ странахъ большевическихъ заговоровъ, волненія въ Индіи и опасность назрѣвающей коммунистической революціи во Франціи подняли уже противъ нихъ мощное движеніе. Во всемъ мірѣ идетъ теперь образованіе единаго фронта борьбы противъ красной опасности.

Въ станѣ потерпѣвшихъ фіаско и огорошенныхъ большевиковъ возникла жестокая внутренняя склока, нарушившая существовавшее до сихъ поръ единство компартіи.

Зиновьевъ - Апфельбаумъ загналъ подъ домашній арестъ и высадилъ изъ Реввоенсовѣта неудавшагося краснаго Наполеона Троцкаго - Бронштейна. Зиновьевцы и Троцкисты перестрѣливаются не улицахъ совѣтскихъ городовъ.

Такъ одинъ гадъ пожираетъ уже другую гадину.

Смятеніе въ станѣ большевиковъ растетъ.

Теперь, когда умеръ Ленинъ и посланъ Троцкій, у красныхъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь крупной головы.

Крѣпнуть слухи, что въ Кремлѣ рядъ коммунистическихъ вожаковъ, изъ числа насосавшихся золотомъ и кровью, изъ числа пьявокъ, которые уже нажрались и теперь только и думаютъ, какъ-бы имъ спасти свою шкуру и отвалиться, измыслилъ хитроумный планъ:

Совѣтская власть ослабитъ терроръ и пригласитъ изъ за границы Виктора Чернова и меньшевистскихъ вожаковъ.

Съ ними они подѣлятся властью, образуютъ обще-соціалистическій кабинетъ и начнутъ собирать учредительное собраніе, куда будутъ допущены одни социалисты лѣвые.

Монархистовъ-же и націоналистовъ при выборахъ рѣшено взять въ три кнута: коммунистическій, эсъ-эровскій и меньшевистскій.

Когда соберется эта „учредивка“, Европа не откажетъ въ кредитахъ и большевистскіе вожди, не желающіе остаться у власти, постепенно испарятся съ награбленными сокровищами за границу, предоставивъ обманутой коммунистической шпанѣ рассчитывать боками за все ими и не ими преступно содѣянное.

Таковы слухи, отражающіе несом-

нѣнно настроеніе части руководящихъ кремлевскихъ сферъ.

Возможно что они преувеличены. Однако, подтвержденія этихъ слуховъ уже пришли. Цикъ С. С. С. Р. объявилъ уже „свободные выборы въ совѣты“, отмѣнивъ выборы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они происходили съ насиліями и подлогами.

Конечно, это только бумажная свобода выборовъ. Но приманка на удочку насажена, приманка для эсъ-эровъ, и Викторъ Черновъ началъ уже въ Польскихъ и Чехо-словацкихъ газетахъ открытую компанію въ защиту Совѣтской власти:

„Европа сама виновата въ агрессивности большевиковъ. Дайте имъ денегъ, если хотите, чтобы они сидѣли смирно“.

Сбивчивыя и противорѣчивыя рѣшенія, перебой мысли и воли въ побѣжденномъ лагерѣ — обычные спутники надлома.

Такъ и должны мы учитывать эти слухи о настроеніяхъ нашихъ враговъ.

Само собой разумѣется, что „учредительница“, состоящая изъ большевиковъ и социалистическихъ партій, Россіи не спасетъ и не возстановитъ.

Это можетъ только сдѣлать и сдѣлаетъ „Единая внепартійная Національная власть“, поддержанная всѣми государственно мыслящими слоями населенія.

Объединившись идейно вокругъ національнаго Вождя, передавъ въ руки его одного верховное руководство нашими судьбами и жизнями, мы должны закалить наши сердца и быть готовыми стоять до конца за настоящую Великую Русскую Россію.

Приходъ ея, по видимому, уже не далекъ.

Самое страшное уже позади.

Съ новыми надеждами, съ вѣстниками побѣды и радости читатель.

Послѣ черныхъ семилѣтъ да будетъ это:

Бурный и рѣшающій

— Бѣлый Годъ.

Александръ Чернявскій.

Провожатый мистриссъ Банкеръ.

Трудовой день закончился, и Матильда вышла на порогъ дома.

Видно было по всему, что она кого-то поджидаетъ. Въ домѣ, кромѣ нея и старой служанки, никого больше не было.

Вотъ хлопнула калитка. Послышался характерный шорохъ приближающихся шаговъ, и вскорѣ показался маленькій человѣкъ въ фуфайкѣ, синемъ пальто и низко надвинутой, круглой, жесткой шляпѣ.

— Добрый вечеръ, мистриссъ Банкеръ! — сказалъ онъ, медленно подходя ближе.

— Добрый вечеръ, капитанъ! — отвѣтила леди, которую всѣ ошибочно принимали за даму.

— Свѣжій вѣтеръ! — произнесъ человѣкъ въ круглой шляпѣ. — Если такъ пойдетъ дальше, мы во время прибудемъ въ Испичъ.

Мистриссъ Банкеръ выразила солидарность.

— А на рѣкъ-то какъ хорошо теперь! — нерѣшительно началъ шкиперъ. — Все кажется такимъ, знаете, красивымъ... очень красивымъ... Вотъ бы, мистриссъ, вы рѣшились и поѣхали вмѣстѣ съ нами... Отведемъ мы вамъ большую каюту, и къ вашимъ услу-

гамъ будутъ... будемъ мы всѣ... Увѣряю васъ, мистриссъ Банкеръ, что спать на шхунѣ вы будете, какъ колода...

— Какъ колода? — нѣсколько недовольно переспросила леди.

— Извините, мадамъ, я хотѣлъ сказать, какъ дерево... Но не въ этомъ дѣло. — Онъ продолжалъ съ усиливающимся жаромъ. — Ну, право, что вамъ стоитъ пріѣхать!.. Мы будемъ ждать васъ. Раньше девяти часовъ мы не отчалимъ.

— Не знаю, какъ быть! — сказала мистриссъ Банкеръ. — Я спрошу тетюшку... Если она позволитъ, я соберу вещи и въ девять часовъ буду на кораблѣ.

— Хорошо! — съ сіяющей улыбкой произнесъ шкиперъ. — Мы съ Билли до того времени здорово выспимся. Такъ долго ждать!

— Долго? — не безъ кокетства спросила Матильда.

— Долго! — повторилъ влюбленный шкиперъ и ушелъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся, бросилъ обжигающій взглядъ на пышную блондинку и сплюнулъ въ сторону.

Часы на ближайшей колокольнѣ отбивали девять, когда Матильда въ сопровожденіи ночного сторожа, ковыляющаго подъ тяжестью багажа, подходила къ пристани. Шхуна была совершенно готова къ отплытію.

— Возьмите багажъ! — сказалъ Билль, обращаясь къ штурману. — Да осторожнѣе. Тамъ приданное!

Ему такъ понравилась собственная шутка, что онъ самъ втащилъ сундукъ и, усѣвшись на него, сталъ брасать на капитана и лэди самыя недвусмысленныя взгляды. Тѣ притворялись, будто ничего ровно не принимаютъ.

Пакеты были слишкомъ велики и многочисленны, чтобы помѣститься въ одной каютѣ, — и это обстоятельство дало поводъ къ цѣлому залпу новыхъ насмѣшливыхъ взглядовъ.

— Добро пожаловать, мистриссъ Банкеръ, на „Сэръ Эдмундъ Льонгъ“! — торжественно произнесъ шкиперъ, помогая Матильдѣ перейти на шхуну. — Будьте желанной гостей... Эй, Билль! — обратился онъ къ штурману. — Прогони собаку!

— Что вы сказали?! — воскликнула Матильда. — Не слѣдуетъ трогать собаку... Это мой провожатый!

— Вашъ?.. Какъ вы сказали? Я не слышала.

— Мой провожатый!

— Позвольте... У насъ, на „Сэръ Эдмундъ Льонгъ“ собаки не допускаются..

— Билль! — воскликнула Матильда, — снесите мои вещи на берегъ... Безъ собаки я не ѣду.

— Позвольте! — заторопился капитанъ. — Но почему такая любовь?

— Это лучший другъ мой, который сопровождаетъ меня повсюду...

— Ахъ, такъ!

— Да, такъ... Согласитесь, что крайне неудобно совершать довольно далекое путешествіе съ тремя мужчинами... и безъ провожатаго...

— Вѣрно, Самъ! — сентенціозно замѣтилъ вахтенный. — Въ ваши годы не мѣшало бы знать такую простую вещь.

— Ну, такъ и быть! — уступилъ капитанъ. — Ужъ мы съ Билли присмотримъ за ней... Да только молчокъ! Никому отъ этого ни слова!

Черезъ нѣсколько минутъ шхуна плавно спускалась по теченію. Шкиперъ былъ на руль и укрѣплялъ паруса.

Матильда, рѣдко бывавшая на рѣкѣ,

чувствовала себя очень напряженно, но старалась не показывать этого.

— Вотъ повремените, — сказалъ шкиперъ. — Мы скоро попадемъ въ бризъ, и вы увидите, что такое „Сэръ Эдмундъ Льонгъ“! Перышко, а не шхуна! Алло!

„Попали въ бризъ“, и шхуна съ быстротой вѣтра понеслась по рѣкѣ.

Ужинали на палубѣ.

Сытный ужинъ и свѣжій вѣтеръ такъ подѣйствовали на Матильду, что она открыто выразила свѣдѣніе о томъ, что до сихъ поръ рѣдко пользовалась такимъ замѣчательнымъ удовольствіемъ.

Прошли Гринвичъ.

Вѣтеръ еще посвѣжѣлъ и сталъ рвать паруса. Шхуна накренилась, и Матильда, глядя на темную воду, нѣсколько разъ освѣдомилась, нѣтъ-ли опасности.

Шкиперъ, весело смѣясь надъ боязнью Матильды, спустился внизъ, взялъ шаль, поднялся и заботливо закуталъ плечи дорогой гостей. Затѣмъ правую вуку положилъ на руль, а лѣвой нѣжно обнялъ талию Матильды.

— Дѣйствительно, красивый вечеръ! — сентиментально произнесла мистриссъ Банкеръ. — Очень красивый!..

— Я очень радъ, что вамъ здѣсь нравится! — сказалъ шкиперъ, который, собственно говоря, жаждалъ совсѣмъ другихъ словъ. — Очень пріятно плыть теперь по рѣкѣ и чувствовать, что...

— Алло! — послышался зычный окрикъ штурмана, стоявшаго на носу. — Не зѣвай!.. Право руля!

Шкиперу поневолѣ пришлось прервать свои изліянія. Онъ всталъ и перешелъ на другую сторону руля. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, сѣлъ на прежнее мѣсто и снова обнялъ талию Матильды, но вдругъ, въ самую патетическую минуту, почувствовалъ за спиной дыханіе живого существа.

Онъ быстро обернулся и увидѣлъ собаку, которая рѣшительно и настойчиво просовывала морду между нимъ и мистриссъ Банкеръ. Успѣвъ въ своемъ желаніи, она спокойно улеглась и устремила влажный взглядъ на капитана, который дѣлалъ напрасныя усилія выразить веселье и удовольствіе.

Въ такомъ почти-что пріятномъ обществѣ прошло такъ много времени, что даже мистриссъ Банкеръ стало невмоготу.

Она встала и, позѣвывая, сказала:

— Хорошій вечеръ...

Полковникъ М. Г. Бекъ-Мармарчевъ †.

— Хорошій...

— А все же и спать пора... Поздно.. А вы общайтесь мнѣ, только что-нибудь случится,— крушение или что другое,— разбудить меня... Не бойтесь — я не испугаюсь. Так общаете?

Шкиперъ общалъ, и гостыя спустилась въ каюту.

Оставшись одинъ на руль, шкиперъ закурилъ трубку и погрузился въ любовныя мечты.

Вѣтеръ сразу упалъ, и шхуна еле-еле подвигалась впередъ.

— Билль!—крикнулъ шкиперъ, — бросимъ якорь!

— Ладно, бросимъ! — сонно отозвался штурманъ.

Они бросили якорь, спустили паруса, и „Сэръ Эдмундъ Лъонъ“ мирно отошелъ ко сну.

— Я усталъ, какъ собака! — сказалъ Билль.

— Я тоже!—отозвался капитанъ.

Билль осмотрѣлъ внимательно палубу и спустился внизъ по веревочной лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ съ дикимъ воплемъ выскочилъ на палубу и, срывая съ себя штаны, сталъ растирать ногу.

— Да что такое случилось?—спросилъ шкиперъ.

— Да ничего такого не случилось! — отвѣтилъ взбѣшенный штурманъ.— Собака взяла у меня кусокъ мяса на память... Провалиться бы ей!.. Приняла меня за врага... Впрочемъ, она и не очень-то ошиблась.

— Надо ее вызвать наверхъ!—подойдя къ лѣстницѣ, сказалъ шкиперъ.— Песикъ, а песикъ!.. Подъ сюда... подъ сюда... На! На! На!..—Онъ засвистѣлъ и попробовалъ спуститься, но собака злобно заворчала на него, и онъ испуганно отскочилъ.

— На! На! На!.. — повторилъ онъ.

Собака выглянула на палубу, осмотрѣлась вокругъ себя и снова спокойно спустилась внизъ.

— Вызовите ее опять! — сказалъ Билль, скручивая веревку.— Ну, нѣтъ! — отвѣтилъ шкиперъ.— Этого не будетъ... Я знаю, что у васъ на умѣ.. Смертоубійства на своемъ пароходѣ я не допущу. А здѣсь я хозяинъ!

— Ну, что-жъ, воля ваша!—язвительно произнесъ штурманъ. — Но тогда намъ съ вами придется спать на палубѣ... Да смотрите, осторожнѣе спите и не храпите, можетъ быть, собака этого не любитъ... Разные бываютъ вкусы у собакъ.

Капитанъ предпочелъ смолчать и вскорѣ растянулся на полубѣ.

Штурманъ послѣдовалъ его примѣру.

Оба проснулись чуть свѣтъ. Было холодно и сыро.

— Надо поднять якорь,—сказалъ шкиперъ.

— Подыдемъ!

Какъ только заскрипѣла старая, ржавая цѣпь якоря, тотчасъ же снизу раздалось яростное рычаніе.

На палубу, съ воинственнымъ видомъ, съ поднятымъ хвостомъ, выскочила собака и сразу, задумавшись, стала смотрѣть на штурмана. Затѣмъ она зѣвнула и, убѣдившись въ томъ, что всѣ очень заняты, спустилась внизъ.

Становилось все свѣтлѣе. Животворящія лучи солнца разсѣивали туманъ. Съ легкимъ звонкимъ шумомъ волны разбивались о борты шхуны.

Маленькій дымокъ поднялся съ баковъ. Вѣтеръ принесъ восхительный запахъ жарящагося мяса.

— Мистриссъ Банкеръ встала? — спросилъ штурманъ, выходя на палубу.

— Да, кажется,—отвѣтилъ шкиперъ.— Она ужъ давно суетится внизу.

— Завтракъ готовъ, — заявилъ штурманъ.

— Хорошо,—сказалъ шкиперъ,—я сейчасъ скажу ей.—Онъ закричалъ:—Мистриссъ Банкеръ!

— Алло!—раздалось снизу. — Сейчасъ иду!

Штурманъ усѣлся на канатахъ и закурилъ трубку. Шкиперъ вернулся къ рулю. Собака, которая уже нѣсколько минутъ держалась на полубѣ, вдругъ исчезла. Снова появившись черезъ довольно продолжительное время, она подошла къ капитану и стала ласково лизать его руку,—точно благодарила его за что-то.

— Она ужъ привыкла ко мнѣ,—сказалъ восхищенный капитанъ. — Милая собака, славная собака!

— Милая собака, славная собака, — мальчишескимъ тономъ повторилъ Билль, уходя съ палубы.

Шкиперъ окончательно сдружился съ провожатымъ мистриссъ Банкеръ, когда на палубу съ отчаяннымъ крикомъ выскочилъ штурманъ.

— Гдѣ эта чортова собака?—завопилъ онъ.

— Послушайте, вы! Да какъ вы смѣете такъ отзываться о моихъ... Какъ вы смѣете

такъ выражаться на моемъ кораблѣ?!—прикрикнулъ шкиперъ.—Что за манеры!

— Манеры! — со слезами на глазахъ отвѣтилъ штурманъ.—Вамъ нужны манеры, а мнѣ нуженъ завтракъ.

— Завтракъ?! Причемъ тутъ завтракъ?

— А при томъ, что эта подлая собака сожрала весь завтракъ.

Капитанъ не успѣлъ опомниться, какъ у люка показалась сіяющая фізіономія мистриссъ Банкеръ.

— Съ добрымъ утромъ! — сказала она.— Какъ славно пахнетъ!

— Я думаю, что будетъ пахнуть, если рядомъ стоитъ собака, — угрюмо сказалъ Билль.

Матильда, въ ожиданіи объясненій, по смотрѣла на капитана.

— Ваша собака съѣла весь завтракъ,— коротко и выразительно сказалъ шкиперъ.

— Весь завтракъ!—радостно воскликнула мистриссъ Банкеръ.—Ну, это не бѣда. Я могу подождать, пока вы приготовите другой завтракъ.

— Кромѣ селедокъ у насъ ничего не осталось,—такъ же угрюмо произнесъ штурманъ.

— А чѣмъ же плохи селедки?—беззаботно произнесла Матильда.—Очаровательное утро, очень свѣжій воздухъ,—вѣроятно это и подѣйствовало на Ровера. Вообще же онъ совсѣмъ не жадный.

— Возможно! — сказалъ шкиперъ, глядя на собаку, которая вдругъ поднялась, понюхала воздухъ и, вертя хвостомъ, направилась къ баку.—Это онъ куда пошелъ?

Матильда размѣялась.

— Почуялъ селедки! Удивительно умная собака!

— Билль!—предостерегающе крикнулъ капитанъ.—Смотри, собака!

— Позови его, позови! — трусливо отвѣтилъ штурманъ.

Мистриссъ Банкеръ побѣжала за своимъ провожатымъ и, схвативъ его за загривокъ, поволокла на мѣсто.

— Нѣтъ, знаете, это только морской воздухъ,—серьезно произнесла она. — До сихъ поръ Роверъ былъ на діетѣ. Поэтому, онъ такой жадный сталъ. Вѣдь, собаки все равно, что люди. Тихо, Роверъ.

— Тихо, Роверъ!—повторилъ капитанъ.

— Тихо, Роверъ! — издали крикнулъ штурманъ.

Подъ тройнымъ контролемъ собака улеглась, но не спускала глазъ съ бака. Появленіе штурмана съ блюдомъ дымящейся ры-

бы сильно взволновало ее. Ей удалось владѣть своими чувствами не больше 5 минутъ; поолѣ того она ринулась къ тарелкѣ шкипера, который въ это мгновеніе былъ занятъ разговоромъ съ мистриссъ Банкеръ.

Шкиперъ, не замѣтя ничего, хотѣлъ передать свою тарелку штурману, но тотъ злобно заявилъ ему, что не станетъ ѣсть изъ одной тарелки съ собакой.

Мистриссъ Банкеръ прогнала собаку, которая отошла и легла у люка.

Барка быстро неслась по теченію. Солнце поднялось выско и ласково пригрѣвало. Всѣ за столомъ чувствовали себя легко и приятно, какъ вдругъ собака пробилась сквозь заколдованный кругъ и схватила съ блюда рыбу. При этомъ она опрокинула сосудъ съ кипяtkомъ и сильно укусила шкипера.

— Гадкая собака, — нѣжно сказала мистриссъ Банкеръ.—Она, кажется, укусила васъ? Позвольте, я вамъ сдѣлаю перевязку.

— Кажется,—сказалъ капитанъ, глядя на выступившую на рукѣ кровь.—Если вы ужъ такъ любезны, сойдите внизъ и возьмите въ каютѣ полотно... Вы найдете въ моемъ комодѣ... направо.

Мистриссъ Банкеръ сошла внизъ. Оставшіеся переглянулись между собой, а затѣмъ перевели взгляды на собаку, которая вызываетъ лай.

— Пора бы уже ей вренуться!—неопредѣленно сказалъ штурманъ, бросивъ взглядъ на парусъ, затѣмъ на шкипера, затѣмъ на собаку.

— Да — сквозь зубы произнесъ шкиперъ. — Не мѣшало бы!

Онъ быстро повернулъ румпельъ и собака закончила свой лай въ водѣ. Набѣжавшій вѣтеръ надулъ паруса, и шхуна сразу очутилась на разстояніи 20 ярдовъ отъ собаки. Собака жалобно посмотрѣла на шхуну и поплыла къ берегу.

— Убійцы!—раздался вопль появившейся Матильды.—Убійцы! Вы утопили мою собаку!

— Собаку? Какую собаку? — слабо оправдывался шкиперъ.—Я не видѣлъ собаки.

— Врете!—загремѣла леди.—Все врете! Я слѣдила за вами и все видѣла.

— Мы повернули, чтобы дать дорогу шхунѣ,—сказалъ капитанъ.

— Какой шхунѣ? Гдѣ шхуна?

Шкиперъ взглянулъ на штурмана.

— Гдѣ шхуна? — спросилъ онъ.

— Я думаю, что мы обогнули ее,—глу-

бокомысленно сказалъ тотъ, оглядываясь во всѣ стороны. — Я больше не вижу ея.

Мистриссъ Банкеръ топнула ногой и, бросивъ на своихъ спутниковъ презрительно-уничтожающій взглядъ, сошла внизъ. Она отказалась отъ полдника и не выходила изъ каюты до самаго Ипсвича. У Ипсвича она вышла на палубу, сама вынесла свои вещи и, не обращая вниманія на убитого го-

ремъ капитана, сошла на берегъ, заказала кэбъ и уѣхала.

Черезъ часъ команда разошлась, и капитанъ остался одинъ на кораблѣ. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ и старался уяснить себѣ тотъ печальный фактъ, что въ послѣдній разъ видѣлъ мистриссъ Банкеръ, и что всѣ мечты его о счастливой семейной жизни съ нею погибли.

Спутница.

Разсказъ Ник. Бухарскаго.

Ночной экспрессъ Парижъ-Лионъ-Средиземное море подходилъ къ Парижу.

Оставалось около часу пути.

Предусмотрительный проводникъ спального вагона обходилъ купэ, будя заспавшихся пассажировъ.

Спарскій сладко потянулся на своемъ мягкомъ ложѣ въ купэ перваго класса и открылъ глаза.

Знаніе иностранныхъ языковъ, прирожденная коммерческая жилка и наконецъ небольшія сбереженія, хранившіяся за границей, помогли ему въ эмиграціи начать въ Парижѣ небольшое коммерческое дѣло, которое послѣ женитьбы его на молодой уже, но богатой и весьма ревливой Мадамъ Бланшъ, вдовѣ парижскаго виноторговца, значительно расширилось и позволило вернуться къ позабытой уже многими роскоши прежней жизни.

Закуривъ папиросу, Спарскій задумался, смакуя результаты только что заключенной имъ въ Марсели выгодной сдѣлки и хотѣлъ уже оторваться отъ сладкой истомы, когда въ дверцы купэ постучали.

Онъ быстро вкочилъ, накинулъ костюмъ и отперъ купэ.

Передъ нимъ стояла молодая, хорошенькая, просто, но элегантно одѣтая дама.

Она начала съ извиненій. — Въ дамскомъ купэ, въ которомъ она ѣхала, такъ много народу, дѣти; сейчасъ запаковываютъ вещи, тамъ не вернуться. Она думаетъ, что онъ будетъ такъ любезенъ, разрѣшить посидѣть въ его купэ эти полчаса, которые остались до Парижа.

— О, конечно! — Спарскій галантно предложилъ ей войти, извиняясь въ свою очередь за свой костюмъ и сталъ быстро укладываться.

Незнакомка поблагодарила и сѣла у окна въ уголь дивана.

— Мерси, ему не надо стѣсняться, она ему очень благодарна. — Послѣ этого она усталилась въ окно вагона.

Спарскій вzialъ дорожный несесеръ и вышелъ заканчивать свой туалетъ въ общую уборную. Когда онъ вернулся, дама продолжала сидѣть въ той же позѣ.

Въ окнѣ мелькали всѣ признаки большого города. Безконечные ленты рельсовыхъ путей, ряды вагоновъ, семафоры, стрѣлки, станціонныя зданія, — проносились мимо съ ужасающей быстротой.

Нѣсколько минутъ опозданія нагонялись машинистомъ. Оставалось не больше десяти минутъ такого хода до Парижскаго вокзала.

Спарскій всталъ на диванъ, чтобы снять съ сѣтки саквожъ и трость. Въ это время задвижка дверцы купэ щелкнула.

Когда онъ обернулся, дама стояла у дверцы. Насмѣшливая улыбка скользила по ея губамъ.

Она кинула взглядъ на часы браслетъ, слегка вытянувъ впередъ коленную, унизанную кольцами ручку.

— Monsieur, намъ остается восемь минутъ для разговора. Я буду кратка.

Спарскій, недоумѣвая, вѣжливо поклонился и спустился съ дивана.

Она продолжала. — Въ Парижѣ меня встрѣчаетъ Жюль-Картъе — мой мужъ. Если вы интересуетесь спортомъ, въ частности боксомъ, то вамъ вѣроятно извѣстно это имя послѣдняго побѣдителя на матчѣ въ Тулонѣ. О, у него великолѣпные удары, могу ручаться. Но довольно! Это такъ, для вашего свѣдѣнія. Теперь, васъ вѣроятно тоже встрѣчаетъ, или ждетъ во всякомъ случаѣ дома — жена. Вѣдь вы носите обручальное кольцо, не такъ-ли? Я говорю это для вашихъ личныхъ соображеній. Ну-съ, а въ концѣ концовъ мнѣ, — она сдѣлала удареніе на этомъ мнѣ, — мнѣ нужны

деньги, которыя у васъ въ карманѣ. — заключила она съ лукавой улыбкой. — О не отпирайтесь, — поспѣшила она добавить, видя что Спарскій открылъ ротъ, чтобы что-то сказать.

— Я видѣла вашъ бумажникъ, когда вы его прятали въ карманъ, онъ очень прилично набитъ тысячефранковыми билетами. Мнѣ нужно совсѣмъ немного, всего только десять тысячъ. — Понимаете? Вы мнѣ сейчасъ же дадите эти 10.000, или она подняла свои блеснувшіе перстнями руки и черезъ секунду ея легкое платье соскользнуло и легло волнистымъ кругомъ у ея ногъ, обнаруживъ прелестное дещу, а скрытые дорожной шапочкой рыжеватые волосы разсыпались золотистымъ дождемъ на ея худенькія смуглыя плечи.

Спарскій стоялъ пораженный, ничего еще не понимая.

Незнакомка хладнокровно взглянула на часы.

— Намъ остается пять минутъ Мосье! Не правда ли, — продолжала она насмѣшливо, — если насъ застанутъ въ такомъ видѣ мой мужъ и ваша жена, то вриды ли вамъ, по крайнѣй мѣрѣ, это будетъ очень пріятно? Ха! ха! ха! Что же вы смотрите на меня, какъ баранъ на новые ворота? Вы кажется ничего, ничего еще не понимаете? Я думаю всетаки что вы не заставите меня сейчасъ раздѣваться дальше, рвать на себѣ бѣлье, изцарапать вамъ руки, стучаться въ дверцу купэ и составить затѣмъ протоколъ, обвиняя васъ въ покушеніи на мою честь, производя весь этотъ скандалъ въ тотъ моментъ, когда поѣздъ подойдетъ къ платформѣ, на которой ждуть васъ такіе хорошіе кулаки, какъ у моего Жюля, а, можетъ быть, также острые ноготки микроскопическихъ ручекъ вашей жены.

У Спарскаго мелькнула мысль, что ручки Мадамъ Бланшъ совсѣмъ уже не такія микроскопическія, но „когти“, вспомнились дѣйствительно острыми.

Положеніе создавалось преглуное.

— Мнѣ нужно, по крайнѣй мѣрѣ, двѣ минуты, чтобы привести себя въ порядокъ, — продолжала инквизиторскимъ тономъ незнакомка. — Осталось три минуты. Рѣшайте же!

— Безвыходное положеніе, — думалъ Спарскій.

— Ничего не подѣлаешь. — Онъ вы-

тащилъ бумажникъ и началъ отсчитывать деньги.

— Какъ разъ во время, — процѣдила она, держа въ зубахъ шпильку и проворно подбирая распушенные волосы. Онъ протянулъ ей десять тысячъ. Они исчезли въ ея ридикюль.

— Мерси! — Платье также быстро облегло ея стройную фигуру.

— Мосье, — кокетливо обратилась она къ нему, поворачиваясь спиной, — нужно торопиться. — Застегните! Тутъ только одна кнопка!

— Все рассчитано, — сказалъ Спарскій, кисло улыбаясь.

— О нѣтъ! Это вѣдь послѣдняя мода. Неужели вы не знали? Мерси еще разъ и до свиданія, — и кинувъ ему на прощаніе очаровательную улыбку, она исчезла изъ купэ.

Поѣздъ скрипѣлъ тормозами, пыхтя подъ крышей дебаркадера.

Черезъ окно вагона Спарскій видѣлъ, какъ его спутница, легко соскочивъ на платформу, повисла на шеѣ какого-то долговязаго молодого человѣка съ лошадиной фізіономіей, кривымъ носомъ и дѣйствительно огромными кулачищами.

Быль ли это знаменитый чемпионъ, или просто сообщникъ, только дама подхватила его подъ руку и, прижавшись къ нему, что то весело болтая, исчезла съ нимъ въ толпѣ пассажировъ.

— Однако ловко! еще разъ подумалъ Спарскій. — Очень ловко. — Какъ прибѣгнуть къ полиціи, когда я не помню даже нумеровъ ассигнацій. Да и кто повѣритъ, что, пробывъ въ купэ около часа съ такой хорошенькой женщиной, я заплатилъ ей только во избѣжаніе скандала за то, что она раздѣлась, да еще противъ моего желанія.

Стукъ въ окно вагона обратилъ его вниманіе. Это Мадамъ Бланшъ стучала ручкой зонтика по стеклу и дѣлала ему нетерпѣливые знаки, чтобы онъ выходилъ скорѣе.

— Да дѣйствительно былъ бы скандалъ и еще какой! Право не жалко и 10.000 франковъ! — И Спарскій, улыбаясь, покинулъ вагонъ, чтобы очутиться сразу же въ объятіяхъ монументальной Бланшъ, обдавшей его знакомымъ запахомъ рисовой пудры, пахитоски и Royal Houbigant.

Похожденія моего кула Никиты Иваныча,

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

Въ актеры.

Кумъ мой Никита Иванычъ — человекъ до чрезвычайности умственный и поэтому надумалъ вывернуть свой тулупъ. Такою булгатею своей торговли подвелъ, что кредиторы только и получили по гривеннику за рубль, да и за это очень благодарны были.

Оставшись при капиталѣ, Никита Иванычъ, конечно, началъ чертить. По обыкновенію меня взялъ въ пристяжку и такія мы съ нимъ протокольные удовольствія себѣ позволять стали, что прямо надо удивляться, какъ только живы остались.

Я-то еще ничего... я себя соблюдаю въ плеворціи, а Никита Иванычъ пилъ безо всякаго удержа. Пилъ-пилъ и до того допился, что разговаривать сталъ одними воплями.

— Дездемона, Дездемона, подай мнѣ чистый носовой платокъ! Ты еще старыхъ башмаковъ не износила, а ужъ требуешь себѣ новыя, такъ за это самое пей кровь изъ ножа Прокопа Ляпунова.

Я даже испугался.

— Ужъ не съумали ты, Никита Иванычъ, сошелъ? спрашиваю.

А онъ какъ зарычитъ на это:

— Эхъ, ты, деревня! Не чувствуешь развѣ, что я себя въ актеры приспособляю.

Я обмеръ отъ ужаста.

— Какъ же — говорю, — тебѣ не стыдно? человекъ ты какъ слѣдуетъ быть, православный, съ генералами за однимъ столомъ сидѣлъ, на монастыри жертвовалъ — и вдругъ въ актеры! Ты, слава Богу, не писатель какой-нибудь, нечего тебѣ зря такія глупости выдумывать...

А Никита Иванычъ никакихъ резоновъ въ расчетъ не принимаетъ.

— Хочу въ актеры, и больше ничего! Больно, — говоритъ, — мнѣ это ремесло нравится.

— А ежели тебя заставятъ чертей играть?

— Пусть! И очень даже хорошо могу ихъ представлять, потому что столько ихъ въ своей жизни перевидалъ,

во время пьянства, что никакого счета имъ не знаю.

— Брось, Никита Иванычъ, не хорошо! Лучше какое-нибудь другое безобразіе облюбуй!

— Нишкни! Лучше этого безобразія не найти, особливо при ликвидаціи моей шорной торговли. Время теперь вдосталь и я поэтому могу быть самымъ лучшимъ ахтеромъ!

Никита Иванычъ, какъ вамъ извѣстно, человекъ нравственный. Его нраву препятствовать не могли. Что въ голову ему залетитъ — тому и быть.

— Поздравляй меня, — кричитъ, — съ новымъ ремесломъ!

Начали мы его ахтерство вспрыскивать. Пили, пили, а Никита Иванычъ все какихъ-то французенковъ поминаетъ: то Офелію, то Дездемону. Полагать надо, онъ изъ хористокъ. Мало ли Никита Иванычъ въ жизни-то своей путался...

Послѣ вспрысковъ, Никита Иванычъ потянулъ меня къ цирюльнику бриться. У меня даже слезы брызнули. Шутка ли, всю жизнь человекъ провелъ при бородѣ и усахъ — и вдругъ — трахъ! всю растительность къ чорту.

Я его уговаривать сталъ:

— Никита Иванычъ, неужто не жаль бороды? Скоро ли опять такую отостишь?

А онъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Дуракъ! Нѣшто борода ахтеру полагается? Ахтерское лицо завсегда должно быть оголеннымъ.

И обрился!

Вышелъ отъ цирюльника — прямо-таки крымская обезьяна, а не Никита Иванычъ.

Зашли, конечно, въ ресторанъ новый обликъ вспрыснуть.

Пили мы пили, и до безпамятства допили: совсѣмъ забыли, по какому случаю вспрыски поставлены. Только какъ-то невзначай Никита Иванычъ къ зеркалу подошелъ, да и завизжалъ благимъ матомъ:

— Привидѣніе!

Это онъ самого себя не узналъ, и съ перепугу хватъ кулакомъ по привидѣнію. И такъ ловко ударилъ, что

все зеркало въ мелкія дребезги разсыпалось.

Только это удовольствіе ему не удалось: поранилъ руку и пришлось звать доктора.

Такое, можно сказать, кровавое происшествіе, а Никита Иванычъ все на своемъ стоитъ:

— Хочу идти въ ахтеры, и ничего больше!

— Остепенись, — говорю, — поѣдемъ домой...

— А если, — говоритъ, — будешь меня уговаривать, такъ я на зло въ опереточные тенора пойду.

Ну, что съ такимъ нравственнымъ человѣкомъ станешь дѣлать? Такой ужъ у него нравъ безпрепятственный.

— Поѣдемъ, — говоритъ, — сейчасъ дрипринера искать, чтобы безъ замедленія ахтеромъ быть. Можетъ ужъ сегодня и не сценѣ играть буду.

Поѣхали.

Извозикъ возилъ насъ по городу, возилъ, а дрипринера нигдѣ не нашли. У всѣхъ попутныхъ трактировъ останавливались, выпивали и наводили справки у буфетчиковъ, но никто не знаетъ. Наконецъ, это дѣло намъ надоѣло, порѣшили отложить его до другого дня и поѣхали домой.

Позвонился Никита Иванычъ у своей квартиры, отомкнула ему дверь стряпуха Матрена, да и не пускаетъ на порогъ.

— Уходи, батюшка, — говоритъ, — уходи. Хозяина дома нѣтъ, и опять протрезвись раньше, а потомъ и являйся.

Никита Иванычъ, конечно, очень обидѣлся, какъ это такъ его дома узнавать перестали?! Сгрѣбъ онъ старуху въ охапку, да и отшвырнулъ въ кухню. Извѣстное дѣло, она по бабѣ-ему малодушію взвыла. Выбѣжали всѣ изъ комнату, и супружница, и дѣти, и ну всѣ на разные голоса голосить. Явились дворники — и тоже Никиты Иваныча не узнали. Навалились, чтобы въ участокъ сволочь за безпокойство, и очень его помяли, пока я обнаружилъ.

На другой день, какъ мы протрезвились, такъ очень большой конфузъ чувствовали. Никита Иванычъ особенно. Схватился онъ за бороду, а ее нѣтъ! Испугался, конечно.

— Ужъ не забрали ли меня, — говоритъ, — въ солдаты за всѣ мои художества?!

И въ тотъ же день Никита Иванычъ поѣхалъ отъ сраму на богомолье, чтобы бороду отростить. И три мѣсяца его никто въ городѣ не видѣлъ.

Полковникъ М. Г. Бекъ-Мармарчевъ †.

Русская Колонія въ Ревелѣ не такъ давно лишилась одного изъ самыхъ лучшихъ и чистыхъ своихъ членовъ.

Умеръ отъ рака шеи заслуженный боевой офицеръ, одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ кавалеристовъ полковникъ Михаилъ Григорьевичъ Бекъ-Мармарчевъ.

Уроженецъ Кавказа и отпрыскъ старинной дворянской фамиліи, покойный М. Г. Бекъ-Мармарчевъ специальное образование получилъ въ Елизаветградскомъ Училищѣ, откуда и вышелъ корнетомъ въ 8-й драгунскій Смоленскій полкъ.

Блестящій офицеръ, проходившій службу въ трехъ самыхъ извѣстныхъ драгунскихъ полкахъ, своею лихостью и исключительной ѣздой обратилъ на себя вниманіе покойнаго Государя Императора Николая II-го, и въ чинѣ под-

полковника былъ назначенъ преподавателемъ постояннаго состава офицерской кавалерійской школы. Съ начала мировой войны полковникъ Бекъ-Мармарчевъ командовалъ отдѣльными частями Конскаго запаса въ Юрьевѣ, а затѣмъ и въ Красномъ Селѣ, оставивъ службу послѣ революціи 1917 года.

Покойный былъ очень даровитъ и разностороненъ и его талантливость проявлялась инициативой и оригинальностью въ самыхъ различныхъ областяхъ. Такъ, покойнымъ были изобрѣтены особыя складныя лыжи, давшія возможность использовать ихъ въ Кавалеріи. Лыжи полковника Бекъ-Мармарчева были приняты въ русской арміи и въ арміяхъ сѣверныхъ странъ Европы. Покойный награжденъ былъ за свои изобрѣтенія золотой табакеркой отъ покойнаго государя, съ

именной надписью и гербомъ, и отъ шведскаго короля денежнымъ вознагражденіемъ. Кромѣ того покойнымъ изобрѣтенъ былъ аппаратъ, автоматически указывающій остановку вагоновъ трамвая, этому аппарату знатоки пророчать большое будущее.

Послѣдніе годы жизни покойный жилъ въ Ревелѣ и его красочная оригинальная фигура стараго боевого кавказца своей своеобразной красотой, известна была всему русскому населенію. Умеръ онъ въ полномъ сознаниі, глу-

боко вѣря въ близкое возрожденіе Россіи и завѣщавъ своимъ друзьямъ, вмѣсто цвѣтовъ и вѣнковъ, внести соотвѣтствующія пожертвованія въ пользу инвалидовъ Сѣверо-Западной арміи.

Похороненъ онъ, согласно его желанію, на Коппельскомъ кладбище Сѣверо-Западной Арміи, чтобы покоится вмѣстѣ съ павшими войнами, которые при жизни очень его любили.

„Былъ вѣренъ до смерти и дастся вѣнецъ жизни“.

Копилка курьезовъ.

Пріѣзжій въ гостиницѣ маленькаго города.

— Послушайте, хозяинъ! Много у васъ въ городѣ жуликовъ?

— Не знаю... до вашего пріѣзда я не видывалъ ни одного.

Феноменъ.

— Вы говорите, что вашему сыну четыре года? А вашъ супругъ скончался шесть лѣтъ тому назадъ... Какъ же это такъ?

— Не правда ли, странно? Я и сама до сихъ поръ удивляюсь!

По марьяжному объявленію.

— Не везетъ мнѣ! Первый кто откликнулся на мое объявленіе, гдѣ я предлагаю себя въ подруги сердца, были мой братъ и отецъ...

Злой мужъ.

— Негодяй! Ты все дѣлаешь мнѣ на зло! Ты облысѣлъ для того, чтобы мнѣ не во что было вцѣпиться...

Разница.

— Скажите, пожалуйста, какая разница между умнымъ человѣкомъ и дуракомъ?

— Видите ли, умный знаетъ, въ чемъ состоитъ эта разница, и никогда объ этомъ не спрашиваетъ.

* * *

Отъ слова до дѣла сто перегоновъ.

Близъ совѣтской границы не строй теплицы.

Петръ Великій и Ленинъ.

Въ первыхъ числахъ мая на знаменитомъ памятникѣ Петру Великому на Сенатской площади въ Петроградѣ было обнаружено изумительное по сходству съ оригиналомъ чучело Ленина.

„Красный строитель“ Россіи висѣлъ на хвостѣ, бѣшено вздыбившагося чугунаго коня. На его спинѣ была доска съ надписью:

— Вѣшатель Россіи.

Немедленно поставили на ноги всю милицію, угрозыскъ и Гпу. Были произведены массовые аресты и обыски. Задержано 95 человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ повѣшеніи Ленина, въ томъ числѣ нѣсколько коммунистовъ-рабфакцевъ.

Такъ разрѣшила народная совѣсть старый споръ объ историческомъ соотношеніи:

— Петръ Великій и Ленинъ.

Онѣ.

— Ты знаешь, Ниночка, у меня драма. Вчера мы такъ поссорились со своимъ Петей. Представь себѣ, онъ нашелъ въ моемъ столикѣ не вскрытое письмо, — а вѣдь онъ мой женихъ.

— Но, какъ же Вѣрочка, я ничего не понимаю. Что же ему было сердиться, если письмо ты не вскрыла.

— Ахъ, какая ты странная Нина, да вѣдь письмо то, на этотъ разъ, было именно отъ него.

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

„Я“ — отвѣтилъ Тарзанъ.

„Что вамъ нужно?—прошепталъ Роковъ, испуганный взглядомъ Тарзана. — Вы пришли меня убить. Вы не осмѣлитесь. Васъ казнятъ. Вы побойтесь меня убить?“.

„Нѣтъ, я не боюсь васъ убить, Роковъ,—отвѣтилъ Тарзанъ—вѣдь никому неизвѣстно, что вы и я здѣсь, а Павловичъ, конечно, обвинить въ этомъ Жернуа. Я слышалъ, какъ вы сами ему это говорили. Впрочемъ, это не можетъ повліять на мое рѣшеніе. Мнѣ безразлично, если всѣ узнаютъ, что я васъ убилъ, удовольствіе васъ убить будетъ вполнѣ достаточной компенсаціей за наказаніе, которому меня подвергнуть. Вы самый презрѣнный изъ всѣхъ трусовъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ. Васъ слѣдуетъ убить. Я бы убилъ васъ съ наслажденіемъ“.— и Тарзанъ приблизился къ своему врагу.

Роковъ вскрикнулъ и бросился въ сосѣдную комнату, но не успѣлъ онъ завершить своего прыжка, какъ Тарзанъ всею своею тяжестью обрушился на его плечи. Желѣзные пальцы двигались у его шеи, и Роковъ отъ страха визжалъ, какъ поросенокъ, пока Тарзанъ не сжалъ его горла. Роковъ сопротивлялся слабо: въ могучихъ объятіяхъ Тарзана онъ былъ беспомощенъ, какъ младенецъ.

Тарзанъ усадилъ его на стулъ и отпустилъ гораздо его раньше, чѣмъ могла возникнуть опасность для его жизни. Когда Роковъ пересталъ кашлять, Тарзанъ опять заговорилъ съ нимъ.

„Я вамъ далъ предвкушеніе смерти, — сказалъ онъ. — Я васъ не убью — на этотъ разъ. Я васъ пощажу только ради той доброй женщины, которая имѣла несчастье родиться отъ одной матери съ вами. Но щажу я васъ въ послѣдній разъ ради нея. Если я когда-нибудь услышу, что вы побезпокоили ее или ея мужа,—если вы когда-нибудь побезпокоите меня,—если я узнаю, что вы вернулись во Францію

или въ какія-либо французскія колоніи, съ этой минуты я поставлю себѣ единственной цѣлью преслѣдовать васъ и докончить то, что я сегодня началъ, то-есть задушить васъ окончательно“.— Съ этими словами онъ повернулся къ столу, на которомъ все еще лежали бумаги. Когда онъ поднялъ ихъ, Роковъ издалъ подавленное восклицаніе ужаса.

Тарзанъ сталъ разсматривать ихъ.

Это были чекъ и какой-то документъ. Свѣдѣнія, изложенныя въ послѣднемъ, сильно изумили его. Роковъ успѣлъ просмотрѣть часть ихъ, но Тарзанъ зналъ, что никто не сможетъ удержать въ памяти тѣ важные факты и числа, которые представляли большую цѣнность для враговъ Франціи.

„Это будетъ интересно для начальника штаба“,—сказалъ онъ, кладя бумагу въ карманъ.

Роковъ застоналъ. Онъ даже не посмѣлъ выругаться вслухъ.

На слѣдующее утро Тарзанъ выѣхалъ въ направленіи на Буиру и Алжиръ. Проѣзжая мимо гостиницы, онъ увидѣлъ поручика Жернуа, стоявшаго на верандѣ. При видѣ Тарзана онъ поблѣднѣлъ, какъ мѣлъ. Тарзанъ предпочелъ бы, чтобы встрѣча не произошла, но избѣгнуть ея не могъ. Онъ отдалъ честь офицеру. Жернуа машинально отвѣтилъ, но его дикіе, широкооткрытые глаза съ выраженіемъ ужаса долго слѣдили за всадникомъ.

Въ Сиди Аисси Тарзанъ встрѣтилъ одного знакомаго французскаго офицера.

„Вы рано выѣхали изъ Бу-Саады?—спросилъ его офицеръ. — Значитъ, вы не слышали, что случилось съ бѣднягой Жернуа?“

„Это былъ послѣдній человѣкъ, котораго я видѣлъ, покидая городъ,—отвѣтилъ Тарзанъ.—Но что съ нимъ?“

„Онъ застрѣлился сегодня утромъ, около восьми часовъ“.

Черезъ два дня Тарзанъ прибылъ въ Алжиръ. Тутъ онъ узналъ, что ему придется два дня ждать парохода въ

Кэптаунъ. Чтобы не терять даромъ времени, онъ написалъ полный отчетъ о своей мисси. Однако, онъ побоялся приложить къ нему секретныя бумаги, отобранныя имъ у Рокова, такъ какъ рѣшилъ не выпускать ихъ изъ своихъ рукъ, пока не получитъ разрѣшенія передать ихъ другому агенту или пока самъ не доставитъ ихъ въ Парижъ.

Когда Тарзанъ сѣлся на пароходъ, два человѣка наблюдали за нимъ съ верхней палубы. Оба были гладко выбриты.

Согласно приказу своего начальника, Тарзанъ взялъ билетъ на имя Джона Кольдуэля изъ Лондона. Почему это было необходимо, онъ не могъ понять и долго надъ этимъ раздумывалъ. Его интересовалъ вопросъ, какую роль ему придется играть въ Кэптаунѣ.

„Ну, — подумалъ онъ, — слава Богу, что я избавился отъ Рокова. Онъ начиналъ мнѣ надоѣдать. Неужели я сдѣлался настолько цивилизованнымъ, что даже сталъ нервничать? Да тутъ поневолѣ начнешь нервничать, когда придется имѣть дѣло съ этимъ негодяемъ, который не борется честно! Съ нимъ никогда не знаешь, откуда можно ожидать удара. Иногда мнѣ кажется, будто Нума, левъ, уговорилъ Тантора, слона, и Гиста, змѣю, соединиться, чтобы меня убить. Но тогда я, по крайней мѣрѣ, зналъ бы, отъ кого и когда мнѣ ждать нападенія. Звѣри порядочнѣе людей, — они не унижаются до подлой интриги“.

Въ этотъ вечеръ Тарзанъ сѣлъ за обѣдомъ рядомъ съ одной молодой дѣвушкой; по другую ея сторону сидѣлъ капитанъ, который ихъ и познакомилъ. Миссъ Стронгъ! Гдѣ онъ слыхалъ это имя? Оно звучитъ очень знакомо! Ключъ къ разгадкѣ дала ему мать этой дѣвушки, назвавъ ее Хэзель.

Хэзель Стронгъ! Какія воспоминанія возбудило это имя! Письмо къ Хэзель Стронгъ, написанное нѣжной рукой Джэнь Портеръ, было первымъ, видѣннымъ имъ посланіемъ любимой женщины. Онъ живо вспомнилъ ночь, когда онъ похитилъ его съ письменнаго стола въ хижинѣ своего давно умершаго отца; Джэнь Портеръ сидѣла и писала его до поздней ночи, а онъ стоялъ снаружи, въ темнотѣ. Какъ бы она испугалась въ то время, если бы знала, что дикій звѣрь джунглей въ образѣ чело-

вѣка былъ тамъ, за окномъ, и наблюдалъ за каждымъ ея движеніемъ.

Такъ это была Хэзель Стронгъ, лучший другъ Джэнь Портеръ.

Глава XII.

Два корабля.

Теперь вернемся къ тому, что происходило нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на маленькой платформѣ желѣзнодорожной станціи въ сѣверномъ Висконсинѣ. Надъ ней низко нависъ дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ, который заставлялъ слезиться глаза небольшой компаніи, изъ шести человѣкъ, ожидавшихъ прибытія поѣзда.

Профессоръ Портеръ, заложивъ руки за спину подъ полы длиннаго сюртука, разгуливаетъ взадъ и впередъ подъ бдительнымъ окомъ своего вѣрнаго секретаря, м-ра Файлендера. Онъ уже два раза по разсѣянности собирался перейти черезъ рельсы и направиться въ сосѣднее болото, но каждый разъ былъ во-время схваченъ и приведенъ назадъ неутомимымъ м-ромъ Файлендеромъ.

Джэнь Портеръ, дочь профессора, вяло и принужденно разговариваетъ съ Вильямомъ Сесилемъ Клэйтономъ и Тарзаномъ. Маленькій залъ станціи только-что былъ свидѣтелемъ признанія въ любви и сцены отреченія, послѣ котораго оказались разбитыми жизнь и счастье двухъ изъ присутствующихъ, — но Клэйтонъ, лордъ Грэйстокъ, не былъ изъ ихъ числа.

Позади миссъ Портеръ виднѣлась добродушная Эсмеральда. Она тоже была вполне счастлива тѣмъ, что возвращалась въ свой дорогой Мэриландъ. Сквозь завѣсу дыма она уже различала тусклые огни приближающагося локомотива. Мужчины начали собирать ручной багажъ. Вдругъ Клэйтонъ вскрикнулъ:

„Чортъ возьми! Вѣдь я забылъ плащъ въ залѣ!“ — и побѣжалъ за нимъ.

„Прощайте, Джэнь, — сказалъ Тарзанъ, протягивая руку. — Да благословить васъ Господь!“

„Прощайте, — тихо произнесла дѣвушка. — Постарайтесь забыть меня... впрочемъ, нѣтъ.. я не могу вынести мысли, что вы меня забудете“.

„Да, это невозможно, дорогая, — отвѣтилъ онъ. — Я радъ былъ бы забыть

васъ. Мнѣ тогда было бы гораздо легче, чѣмъ теперь, когда придется прожить всю жизнь, думая о томъ, что могло бы быть... Вы, впрочемъ, будете счастливы; я въ этомъ увѣренъ, такъ должно быть. Скажите остальнымъ, что я рѣшилъ ѣхать на автомобиль въ Нью-Йоркъ. — Я чувствую, что не въ состояннн простиаться съ Клэйтономъ. Я хотѣлъ бы относиться къ нему безъ злобы, но я боюсь, что во мнѣ еще сильны инстинкты дикаго звѣря, и мнѣ не слѣдуетъ оставаться слишкомъ долго въ обществѣ того человѣка, который сталъ между мной и единственной женщиной въ мирѣ, которая мнѣ нужна“.

Между тѣмъ, въ то время какъ Клэйтонъ наклонился, чтобы взять плащъ, онъ увидѣлъ телеграфный бланкъ, лежавшій на полу, обратной стороной вверхъ. Думая, что это нужная телеграмма, нечаянно кѣмъ-нибудь оброненная, онъ нагнулся, поднялъ ее и поспѣшно бросилъ на нее взглядъ. Вдругъ онъ забылъ все: и плащъ, и подошедшій поѣздъ, и все, кромѣ этого ужаснаго кусочка бумаги, который былъ у него въ рукѣ.

До того, какъ онъ ее поднялъ и прочелъ, онъ былъ англійскимъ дворяниномъ, лордомъ, гордымъ и богатымъ владѣльцемъ обширныхъ имѣннй; и вотъ въ одно мгновение онъ узналъ, что онъ обыкновенный человѣкъ, безъ состояннн и титула. Это была телеграмма Тарзану отъ д'Арно, и въ ней было сказано:

„Отпечатки пальцевъ доказываютъ, что вы — Грэйстокъ. Поздравляю.

Д'Арно“.

Клэйтонъ пошатнулся, какъ человѣкъ, получившій смертельный ударъ. Какъ разъ въ это мгновение онъ услышалъ, какъ остальные кричали ему, чтобы онъ поторопился, такъ какъ поѣздъ останавливался у платформы. Машинально онъ схватилъ плащъ, рѣшивъ все рассказать другимъ въ поѣздѣ. Затѣмъ онъ выбѣжалъ на платформу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда паровозъ издалъ два свистка въ видѣ послѣдняго сигнала. Вся компаннн была уже въ поѣздѣ и кричала ему, чтобы онъ поторопился. Цѣлыхъ пять минутъ прошло, пока всѣ окончательно не разошлись, и только тогда Клэйтонъ замѣтилъ, что Тарзана не было среди нихъ.

„Гдѣ Тарзанъ? — спросилъ онъ у Джэнъ Портеръ.—Въ другомъ вагонѣ?“

„Нѣтъ,— отвѣтила она.— Въ послѣднюю минуту онъ рѣшилъ ѣхать на своемъ автомобилѣ въ Нью-Йоркъ. Ему хочется познакомиться съ Америкой поближе, а не осматривать ее изъ окна вагона. Вѣдь онъ возвращается вскорѣ во Францнн, какъ вамъ извѣстно“.

Клэйтонъ не отвѣчалъ. Онъ старался подыскать нужныя слова, чтобы сообщить Джэнъ про несчастье, которое обрушилось на него и на нее также. Онъ размышлялъ о томъ дѣйствии, которое на нее произведетъ это извѣстнн. Захочетъ ли она выйти за него замужъ,— быть просто м-съ Клэйтонъ? Онъ ясно представлялъ себѣ огромность жертвы, которую должна была она принести. Затѣмъ возникъ вопросъ: будетъ ли Тарзанъ требовать то, что ему принадлежит по праву? Вѣдь онъ зналъ содержаннн телеграммы еще до того, какъ онъ спокойно отрекся отъ своихъ родныхъ. Наоборотъ онъ сказалъ, что его матерью была обезьяна Кала. Неужели онъ это сдѣлалъ изъ любви къ Джэнъ Портеръ?

Другого, болѣе подходящаго объясненнн нельзя было найти. Слѣдовательно, можно было предположить, что онъ не собирается заявлять о своихъ правахъ, разъ онъ промолчалъ объ извѣстнн, сообщенномъ телеграммой. А если это было такъ, то какое право имѣлъ онъ, Клэйтонъ, итти наперекоръ желаннямъ этого страннаго человѣка, лишать его плодовъ его самопожертвованнн? Если Тарзанъ такъ поступилъ, чтобы избавить Джэнъ Портеръ отъ горя, то какъ же могъ онъ самъ, которому она довѣряла всю свою будущность, совершить что-либо противное ея интересамъ?!

Подобными разсужденннми онъ убаюкивалъ себя, пока первое великодушное побужденнн, — объявить правду и отказаться отъ титуловъ и земель въ пользу настоящаго владѣльца ихъ, не оказалось заглушеннымъ эгоизмомъ. Однако онъ былъ угрюмъ и разсѣянъ во время остальнаго пути и всѣхъ послѣдующихъ дней и часто у него возникала навязчивая мысль, что впоследствии, быть можетъ, Тарзанъ пожалѣетъ о своемъ великодушнн и заявитъ о своихъ правахъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прнѣзда

въ Балтимору, Клэйтонъ заговорилъ съ Джэнь относительно срока свадьбы, прося ускорить его.

„Что вы подразумѣваете подь близкимъ срокомъ?“ — спросила она.

„Да въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Я долженъ немедленно вернуться въ Англию и хочу, чтобы вы поѣхали со мной, дорогая“.

„Я не могу быть готовой такъ скоро, — отвѣтила Джэнь. — Мнѣ нуженъ для этого, по крайней мѣрѣ, мѣсяць“.

Она была рада его отъѣзду, такъ какъ надѣялась, что дѣла, призывавшія его въ Англию, задержать также и свадьбу. Хотя она и рѣшила честно выполнить свое обѣщаніе до конца, какъ бы горько ей ни было, — но если являлась возможность отсрочки, то она чувствовала, что имѣетъ право воспользоваться ею. Его отвѣтъ смутилъ ее.

„Хорошо, Джэнь, — сказалъ онъ. — Для меня это большое разочарованіе, но я согласенъ отложить поѣздку въ Англию на мѣсяць: тогда намъ можно будетъ ѣхать вмѣстѣ“.

Но, когда прошелъ этотъ мѣсяць, она опять нашла предлогъ отложить свадьбу и Клэйтону пришлось вернуться одному въ Англию.

Письма, которыми они обмѣнивались, подавали Клэйтону не больше надежды, чѣмъ раньше, и онъ потому обратился непосредственно къ профессору Архимеду К. Портеру съ просьбой о содѣйствіи. Старикъ всегда стоялъ за этотъ бракъ. Онъ любилъ Клэйтона, къ тому же онъ самъ происходилъ изъ старинной семьи южанъ, вслѣдствіе чего придавалъ даже слишкомъ большую цѣну титулу, который для его дочери имѣлъ лишь небольшое, или даже совершенно ничтожное значеніе.

Клэйтонъ уговаривалъ профессора принять его приглашеніе погостить у него въ Лондонѣ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ маленькимъ семействомъ. Онъ считалъ, что, когда Джэнь будетъ тамъ и связи съ домомъ будутъ уже порваны, она скорѣе рѣшится на бракъ.

Вслѣдствіе этого профессоръ, получивъ письмо Клэйтона, въ тотъ же вечеръ объявилъ, что на слѣдующей недѣлѣ они отправятся въ Лондонъ.

Но Джэнь Портеръ оказалась такъ же мало сговорчивой въ Лондонѣ, какъ и въ Балтиморѣ. Она выискивала

предлоги одинъ за другимъ и, когда въ концѣ концовъ лордъ Теннингтонъ пригласилъ всю компанію ообѣхать вокругъ Африки на его яхтѣ, она пришла въ полный восторгъ отъ этого проекта и опредѣленно отказалась выходить замужъ до возвращенія въ Лондонъ.

Лордъ Теннингтонъ намѣревался проѣхать черезъ Средиземное и Красное море въ Индійскій океанъ, а оттуда повернуть на югъ вдоль Восточнаго берега, останавливаясь во всѣхъ портахъ, гдѣ было что-нибудь достопримѣчательное.

Такъ какъ на поѣздку требовался, по крайней мѣрѣ, годъ, Клэйтонъ мысленно послалъ Теннингтона къ чорту за то, что онъ предложилъ это дурацкое путешествіе.

Такимъ образомъ случилось, что въ одинъ прекрасный день два судна прошли черезъ Гибралтарскій проливъ.

Одно изъ нихъ, хорошенькая бѣлая яхта, держала курсъ на востокъ, и на палубѣ ея сидѣла молодая женщина, грустно глядящая на медальонъ, украшенный брилліантами, который она держала въ рукахъ. Ея мысли витали далеко, въ сумрачной, густой чащѣ тропическихъ джунглей, — и сердце ея было тамъ, гдѣ и мысли.

Она раздумывала о томъ человѣкѣ, который подарилъ ей эту красивую бездѣлушку, цѣнимую имъ не на золото и камни, о стоимости которыхъ онъ и не подозревалъ. Гдѣ онъ?! Вернулся ли въ свой первобытный лѣсъ или нѣтъ?..

А на палубѣ другого, — это былъ пассажирскій пароходъ, направлявшійся тоже на востокъ, — этотъ человѣкъ сидѣлъ съ другой молодой дѣвушкой, и оба лѣниво перебрасывались догадками относительно изящнаго судна, граціозно скользившаго по волнамъ спокойнаго моря.

Когда яхта исчезла изъ вида, мужчина возобновилъ разговоръ, прерванный ея появленіемъ.

„Да, — сказалъ онъ, — я очень люблю Америку, а слѣдовательно люблю и американцевъ, такъ какъ государство есть созданіе самого народа. Когда я тамъ былъ, я познакомился со многими очаровательными людьми. Я помню одну семью изъ вашего же города, это былъ профессоръ Портеръ и его дочь.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣ женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна 165 мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Юхимстальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку не платятъ.